

Глава одиннадцатая. Проницательность Фу Исяня и драгоценный лук в боковом зале Резонирующей Гармонии

Осенью третьего года правления под девизом Юйчэн, в девятом месяце, Великий генерал, Умиротворяющий Дальние земли, наконец оправился от тяжелой простуды. Получив императорский указ, он без промедления выступил к заставе Медной Горы, дабы принять командование над войсками.

Боковой зал Резонирующей Гармонии в Запретном городе Тяньцзина

Командир Доблестной кавалерии Хун Жуцзинь стоял на коленях на холодных плитах из синего песчаника, содрогаясь от невольного трепета. Его вызвали во дворец на рассвете. Стоило ему войти и принести вассальные поклоны, как император Юйчэн погрузился в молчание. Не удостоенный ответа владыки, Жуцзинь так и остался стоять на коленях — и тянулось это мучение уже без малого два часа.

В боковом зале Резонирующей Гармонии плотные шторы всегда были опущены — и знойным летом, и увядающей осенью. В этих четырех хмурых стенах царила промозглая прохлада. Стоя на коленях, Хун Жуцзинь чувствовал, как затекли и онемели суставы, а непонятное, зловещее молчание государя лишь нагоняло ужас. Кровь стыла в жилах, но лоб командира покрывала крупная испарина.

Чун И восседал за резным письменным столом из грушевого дерева с изогнутыми ножками, неторопливо перелистывая доклады наместников Шаньдун и Шэньси, ведавших охраной речных путей. Наступил девятый месяц, пришедшая осень грозила разливом Хуанхэ: сезон дождей вот-вот мог прорвать плотины, и сильнее всего стихия угрожала именно этим двум провинциям. Разумеется, казна загодя откладывала средства на случай бедствия. Однако весной второго года правления, когда генерал Чун Дай и инспектор армии Чун Ю двинулись на север к заставе Медной Горы, на выплату жалованья войску пришлось пустить те самые деньги, что предназначались для борьбы с наводнениями в будущем году. И теперь крики о помощи от речных наместников мертвым грузом лежали перед императором, не на шутку его тревожа. К счастью, секунда не была критической: дожди над Хуанхэ только начались, и пока оставалось неясным, насколько тяжелым окажется разлив.

Лениво приоткрыв глаза, Чун И скользнул взглядом по съежившемуся внизу командиру Доблестной кавалерии. Император едва заметно усмехнулся и небрежно спросил:

— Хуэйчжи, ты ведь получил ученую степень цзиньши в четырнадцатый год правления под девизом Лунчжэн?

Хун Жуцзинь поспешно припал лбом к полу:

— Владыка, все именно так. Четырнадцатый год Лунчжэн.

— Вот как. И с тех самых пор ты неизменно ходишь под началом моего августейшего дяди?

О глухой вражде между молодым монархом и регентом, принцем Чжуаном, при дворе не судачил разве что ленивый. Тетушка Жуцзиня служила доверенной камеристкой у младшей супруги Чун Яньцзи, урожденной Ли. Стоит ли удивляться, что карьера командира шла в гору с невероятной быстротой? Он давно стал верным сподвижником регента, а теперь, возглавив Лагерь Доблестной Кавалерии, фактически держал под присмотром столичные ворота в интересах принца Чжуана. Именно поэтому каждая встреча с императором заставляла его сердце уходить в пятки. Хотя слова Владыки десяти тысяч лет звучали мягко, малейшая оплошность могла обернуться сокрушительным гневом.

— Ваше Величество, до того ничтожный слуга исправно нес службу при дворе покойного государя. Лишь в девятнадцатом году Лунчжэн, когда провинцию Хэнань опустошила саранча, усопший император соизволил направить меня в помощь принцу Чжуану для раздачи милостыни пострадавшим. С той поры мне и довелось трудиться под его началом.

Чун И милостиво кивнул.

— В свое время мой покойный отец возложил на августейшего дядю неподъемное бремя государственных забот. Но ведь принц Чжуан уже перешагнул пятидесятилетний рубеж, подошел к возрасту познания небесной воли. Мне невыносимо видеть, как он изнуряет себя трудами. Ты, Хуэйчжи, будучи его старым сподвижником, должен от моего имени почаще выказывать ему заботу и участие, дабы облегчить его тяготы.

Хун Жуцзинь похолодел: стало ясно, что государь давно и прочно записал его в партию принца Чжуана. Но в подобных делах, как бы настойчиво тебя ни расспрашивали, признаваться нельзя под страхом смерти. Во все времена в Поднебесной создание придворных клик каралось беспощадно, особенно если в дело были замешаны военачальники.

"У принца Чжуана могут быть сколь угодно длинные руки, — лихорадочно размышлял Жуцзинь, — но без верных клинков ему не взойти на золотой трон. Случись мятеж, моему Лагерю Доблестной Кавалерии придется проливать кровь первыми. Вот только Армия Синин, расквартированная в Западных горах, тоже не станет смотреть сложа руки — там полно преданных ветеранов принца Чэна. Сейчас кажется, будто принц Чжуан держит судьбу империи за горло, но кто знает, какие карты припрятал этот молодой император? Раз уж он испытывает меня, нужно отвечать уклончиво. Упаси боги рассердить юного владыку"

Собравшись с мыслями, он произнес:

— Лишь благодаря вашей величайшей милости ничтожный слуга возглавляет Лагерь Доблестной Кавалерии. Охрана столичных рубежей — труд неустанный, военные заботы поглощают все мое время. Без высочайшего повеления я не дерзаю сделать и шага в сторону столицы. В резиденцию принца Чжуана я наведываюсь лишь раз в году, дабы вместе со всеми

чинами принести поздравления в день его рождения. В обычные же дни мне попросту некогда лицезреть его светлость. К тому же, по старым уложениям, наш лагерь подчинялся главному командованию, но еще в годы правления под девизом Дэю эта должность была упразднена, и с тех пор мы подчиняемся исключительно воле государя. Посему, хоть мы со старым принцем и разделены сословным рубежом, никаких общих дел не имеем. Как же я могу утешать его? Не сочтет ли он это за крайнюю дерзость?

В душе Чун И лишь презрительно усмехнулся, однако лицо его мгновенно омрачилось притворным гневом.

— Хуэйчжи, я ведь только что напомнил тебе: покойный император доверил принцу Чжуану судьбу Поднебесной. Неужто твой Лагерь Доблестной Кавалерии не входит в число государственных забот? Я лишь желал, чтобы ты, как человек почтенный и близкий к моему дяде, при случае выразил ему мою сыновнюю заботу. К чему эти пространные оправдания и увертки? Или ты хочешь сказать, что недоволен тем, как принц Чжуан помогает мне управлять государством?

Эти слова прозвучали как смертный приговор — император Юйчэн зажимал его в угол, не оставляя путей к отступлению. Хун Жуцзинь понял: если он сейчас не выдаст то, что государь желает услышать, живым из этого проклятого зала ему не выбраться. Гнев владык непредсказуем. Единственный шанс спастись — поддакнуть молодому правителю.

— Пощадите, Ваше Величество! Ничтожный слуга не смеет судить о делах столь высоких. Однако регентство принца Чжуана — лишь временное бремя. И хотя заслуги его перед престолом велики, он, как и ваш покорный слуга, кормится из щедрот великой империи и обязан хранить непоколебимую верность трону. Таков первейший долг любого подданного. Посему государю не стоит излишне тревожиться о покое принца.

Слова о "временном бремени" регента сладостным эхом отозвались в мыслях Чун И. Он скользнул взглядом влево, где высилась массивная ширма из тринадцати резных створок. Из-за ее края показалась изящная рука: четыре пальца были прижаты друг к другу, ладонь сделала едва заметный манящий жест вверх. Император не выдержал и довольно сощурился. Вновь повернувшись к собеседнику, он уставился на него с таким удивлением, словно только что заметил его.

— О боги! Хуэйчжи, отчего ты до сих пор стоишь на коленях?

Избалованный роскошью командир к суровым лишениям привык не был. После стольких часов на каменном полу его ноги онемели, а спина словно превратилась в негнущуюся доску. Изумленный возглас владыки показался ему небесной музыкой: Жуцзинь понял, что угадал нужное направление и сумел угодить императору. Но стоило душевному напряжению спастись, как навалилась нестерпимая ломота во всем теле.

— Поднимись же скорее, Хуэйчжи. Осень на дворе, простудишься еще на холодном камне. — Государь сделал легкий жест рукой, и тут же расторопный молодой евнух приволок тяжелое

кресло из древесины горной тунги. Случайный взгляд императора упал на слугу, и ему в голову пришла странная мысль.

Кое-как поклонившись в знак признательности, Хун Жуцзинь, борясь с дурнотой и темными кругами перед глазами, трясущейся походкой добрал до кресла. Он примостился на самом краешке сиденья, отчего затекшее тело заныло с удвоенной силой.

Некоторое время Чун И задумчиво провожал взглядом удаляющегося евнуха, а затем тепло улыбнулся собеседнику:

— Хуэйчжи, я ведь позвал тебя по весьма приятному поводу. Да вот беда: перед самым твоим приходом доставили эти злосчастные требования о золоте из Шаньдуна и Шэньси. Голова кругом шла от забот, вот я и позабыл обо всем на свете, заставив тебя терпеть такие муки на холодном полу.

Едва успев присесть, командир дернулся было обратно, намереваясь рассыпаться в дежурных извинениях, но владыка небрежным жестом велел ему оставаться на месте.

— С тех пор как прошлым летом наши войска выдвинулись к заставе Медной Горы, на фронте не изменилось ровным счетом ничего, — продолжил государь, посерьезнев. — К счастью, старый генерал Фу Юаньтай наконец победил свой недуг и принял мое повеление. На днях он выступает в поход. Послушай, Хуэйчжи, среди всех столичных полков твои конники и лучники по праву считаются лучшими. Я намерен передать под начало Фу Юаньтая тысячу твоих всадников и тысячу стрелков. Что скажешь на это?

Лагерь Доблестной Кавалерии насчитывал всего десять тысяч воинов, из которых отборных всадников и стрелков было не более восьми тысяч. Разумеется, Хун Жуцзинь почувствовал, как у него кровью обливается сердце от мысли о такой потере.

— Владыка, — осторожно начал он, — две тысячи человек на просторах заставы Медной Горы — капля в море. Боюсь, такой отряд не сможет переломить ход войны.

— Я и сам это прекрасно понимаю, — мягко возразил Чун И. — Но посуди сам: во-первых, принц Чэн забрал с собой все пятьдесят тысяч воинов, вернувшихся тогда в столицу. Мы ведь не можем отправить Великого генерала воевать в гордом одиночестве? Во-вторых, наши пригородные гарнизоны слишком долго засиделись в покое. Они забыли вкус пороха, обленились без настоящих битв. Не ровен час случится беда — смогу ли я на них полагаться? Пусть эти две тысячи пройдут крещение настоящим огнем и сталью у заставы Медной Горы. А прольют кровь, добудут славу — так почет достанется всему твоему Лагерю Доблестной Кавалерии и тебе лично, Хуэйчжи.

— Быть может, государь дозволит сначала набрать и обучить рекрутов, дабы восполнить брешь, и лишь затем отправить людей вслед за Великим генералом?

— Окрестностям столицы пока ничто не угрожает, такое количество клинков здесь ни к чему. Со временем мы перебросим в твой лагерь ветеранов с застав Медной Горы и Небесного Замка. Но есть одно условие: содержание и жалованье для этих двух тысяч воинов тебе придется выплачивать из припасов Доблестной Кавалерии.

Поняв, что спорить с высочайшей волей бесполезно, Хун Жуцзинь уныло склонил голову в знак согласия. Расходы на провиант и серебро его беспокоили мало — казна Лагеря Доблестной Кавалерии ломилась от припасов, — но вот лишиться в одночасье двух тысяч отборных рубак было невыносимо горько.

Заметив его уныние, Чун И вновь бросил беглый взгляд в сторону тринадцатистворчатой ширмы, упиваясь собственной победой.

— Хуэйчжи, благородный муж должен смотреть далеко вперед, а не цепляться за сиюминутную выгоду. Я связываю с твоим будущим великие надежды, а ты сокрушаешься из-за горстки всадников! Чин командира Доблестной кавалерии — всего лишь третий ранг, едва позволяющий говорить на равных с высшими сановниками Поднебесной. Я знаю, насколько ты предан, умен и чист сердцем. Не раз я заговаривал с принцем Чжуаном о том, чтобы пожаловать тебе пост Коменданта Девяти ворот. Однако августейший дядя почему-то упорно благоволит Ван Цзэну. Если твои люди проявят себя в боях у заставы Медной Горы, у меня появится неоспоримый довод, чтобы возвысить тебя вопреки воле регента. Понимаешь ли ты, Хуэйчжи, к какому величию я пытаюсь тебя вести?

Говоря это, государь помрачнел. От природы наделенный редкой, утонченной красотой, он в своей печали казался величественным и уязвимым одновременно. Хун Жуцзинь редко удостоивался чести беседовать с Владыкой десяти тысяч лет наедине; до него доходили лишь слухи о крутом нраве, холодности и капризах молодого правителя. Но сейчас, видя неподдельную искренность государя и внимая его речам, согревающим душу лучше весеннего солнца, командир кавалерии устыдился своих былых подозрений. Ему искренне захотелось стать тем самым мудрым и верным слугой, о котором говорил император, а к горлу подкатил жаркий комок благодарных слез.

Поняв, что представление пора завершать, Чун И едва заметно кивнул евнуху Ван Юаньчэню. Тот бесшумно выскользнул из-за высокой ширмы, неся в руках завернутое в парчу оружие, и с глубоким поклоном опустил его перед ошеломленным военачальником.

Хун Жуцзинь растерянно моргнул. Император поднялся со своего места, неторопливо приблизился и взял оружие в руки, бережно поглаживая лакированное дерево.

— Хуэйчжи, этот Лук Полной Луны — дар моего покойного отца. Он вручил его мне в четырнадцатый год Лунчжэн во время осенней охоты. Сегодня я передаю это сокровище тебе. Пусть оно станет залогом моего безграничного доверия. И помни: не обмани моих надежд.

Государи нередко осыпают подданных парчой, нефритом и золотом — вещами дорогими, но лишенными души. Лук же покойного императора был святыней, бесценной реликвией

династии. Кровь хлынула к лицу военачальника. Вот оно, истинное величие, свалившееся прямо с небес! Ошеломленный столь щедрой милостью, Жуцзинь с благоговейным трепетом принял драгоценное оружие. Он расплакался навзрыд, не помня себя, готовый тут же вырвать собственное сердце и бросить его к ногам Чун И, лишь бы доказать свою преданность.

С трудом сдерживая брезгливость, Чун И благожелательно выслушал бессвязные клятвы верности, нашептал растроганному командиру еще ворох ласковых напутствий и, наконец, отпустил его восвояси.

Стоило дверям за командиром закрыться, как из-за ширмы бесшумно сошел человек. Тонкие, правильные черты его лица светились, он тихо и лукаво усмехнулся. Это был Бакалавр-чтец Фу Исянь.

Император в мгновение ока лишился всей своей величественной спеси. Сделав широкий шаг вперед, он крепко сгреб пришедшего в объятия:

— Ну что, Сяошань? Как тебе моя игра? Хорош ли я был?

Исянь лишь вздохнул — государь в своем репертуаре. Осторожно перехватив запястья монарха, он попытался высвободиться из чересчур тесного кольца рук:

— Ваше Величество... Полно вам.

Чун И обиженно надулся и нехотя отстранился.

— Знаю, знаю: "честь короны", "царственное величие"... Я все утро ломал комедию перед этим олухом, неужели нельзя хоть на миг расслабиться в твоём присутствии? Вечно ты портишь мне все веселье.

Бакалавр лишь мягко улыбнулся в ответ, не вступая в спор, и последовал за государем, когда тот зашагал по залу.

— Сяошань, твой замысел безупречен! — возбужденно заговорил император, разворачиваясь.

— Хун Жуцзинь теперь сам побежит выстраивать солдат, лишь бы угодить мне. А ведь я поначалу ломал голову, какую бы взятку ему сунуть. Подарить отцовский лук — это гениально! Ты видел его лицо? Боги, он от избытка чувств едва не забрызгал своими слезами мои одеяния!

— Оскверни он императорское платье, наши заботы разрешились бы куда быстрее, — сухо заметил Исянь. — Обвинения в оскорблении величества с лихвой хватило бы для плахи. И не пришлось бы тратить столько сил.

— Отобратить у Чун Яньцзи Доблестную Кавалерию — все равно что отсечь ему правую руку, — хищно оскалился Чун И. — Поглядим тогда, какими силами наш всемогущий регент станет

подпирать небеса! — Переполняемый торжеством от удачной сделки и довольный легким тоном друга, император вновь бесцеремонно притянул Исяня к себе. — Обрести тебя, Сяошань — величайший дар небес моему царствованию. Хун Жуцзинь — мой подданный, но ты видишь его насквозь. Этот трус и приспособленец пляшет под твою дудку, даже не догадываясь об этом.

Исянь не стал портить редкие минуты искренней радости государя. Он принял похвалу спокойно, без лишней гордости:

— Мудрый видит бурю в легком дуновении ветра, Ваше Величество. Я лишь сопоставил несколько малозначительных слухов из прошлой жизни нашего командира. Без вашего актерского дара любой план остался бы мертвой бумагой. Впрочем, не стоит недооценивать Жуцзиня. Его слезы были искренними — величие вашей щедрости действительно потрясло его до глубины души. Прежде, прозябая в тени принца Чжуана, он наверняка натерпелся пренебрежения и обид. Теперь же, возомнив себя любимцем императора, он утратит былую робость перед старым покровителем. Если нам удастся направить его новообретенное рвение в нужное русло...

Не дослушав, Чун И пренебрежительно махнул рукой:

— Полно тебе. С его непроходимой глупостью и тщеславием даже самая чистая верность покажется мне пресной. Такие шуты годны лишь для того, чтобы расчищать дорогу истинным игрокам.

<http://bllate.org/book/19874/2038684>